

С.В. Букалова

«СУХОЙ ЗАКОН» И «ПЬЯНЫЕ БУНТЫ» АВГУСТА 1914 Г.: РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ТРЕЗВОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация

Статья анализирует волнения призванных при мобилизации августа 1914 г. Автор настаивает на том, что массовые беспорядки были обусловлены особенностями крестьянского самосознания, в то время как призыв в армию и прекращение водочной торговли стали условиями актуализации традиционного ритуализированного массового поведения.

Ключевые слова

Первая мировая война, мобилизация, «пьяные бунты», рекрутские обряды, политика трезвости.

Svetlana V. Bukalova

Prohibition and the Drunken Brawls in August 1914: Policy of Abstinence in the Context of Cultural Anthropology

Abstract

The article analyses recruits excitements during the mobilization in the august 1914. The author insists, that massive disorders was determinate by the peculiar turn of peasants self-consciousness, whereas recruitment into the troops and extinction of alcohol trade became the conditions of actualization traditional ritualized mass behavior.

Key words

World War I, mobilization, drunken brawls, recruits rituals, policy of abstinence

Тема «пьяных бунтов» мобилизованных упоминается обычно в непосредственной связи с анализом отношения населения Российской империи к Первой мировой войне. Наиболее цитируемыми по данному вопросу являются работы таких разных авторов, как А.Б. Беркевич, Дж. Санборн и О.С. Поршнева¹. Первый трактует их как антисамодержавные стихийные выступления крестьянства, второй - как проявление имманентной анархичности народных масс в условиях, когда «баланс власти нарушается, и силы традиционных органов управления ослабевают»², и последняя предлагает рационально-психологическое объяснение стремления мобилизованных к спиртному: их желание в последний раз «расслабиться» и «погулять» перед отправкой на позиции, где сделать это будет уже невозможно³.

Между тем данный сюжет, являясь одним из частных и непредвиденных последствий политики трезвости, должен рассматриваться в связи с ее реализацией. В последнее время отечественные исследователи обратились к изучению различных аспектов «сухого закона» периода Первой мировой войны, при этом его разработка, реализация и эффективность опять-таки освещаются вне военного контекста, наиболее ярко проявившего себя во время первой мобилизации. Таким образом, проблема оценки характера волнений мобилизованных, сопровождавших вступление России в Первую мировую войну, лежит на пересечении тематики массовых настроений и антиалкогольной политики. Детальное изучение регионального материала с такой точки зрения способно обогатить наше представление об этом вопросе.

Следует начать с определения роли спиртного в народной культуре начала XX века и в повседневной жизни деревни, что даст нам представление о значении его наличия либо отсутствия в определенный момент.

В большинстве культурных традиций тот или иной опьяняющий напиток используется как средство достижения особого сакрально отмечаемого состояния, служащего своеобразным медиатором между разными этапами жизни, которые воспринимаются традиционным сознанием как качественно разные формы человеческого существования. Эту функцию опьяняющий напиток повсеместно выполняет в свадебных ритуалах, при крещении (наречении имени), на поминальной трапезе⁴. Также и у древних славян употребление алкоголя было частью языческого культа. И в более поздний период пьянство, обжорство,

---

¹ Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Т. 23. 1947.С. 3-43.
Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение крестьян, рабочих и солдат во время I мировой войны. Екатеринбург, 2001.

Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 202-216.

² Санборн Дж. Ук. соч. С.209.

³ Поршнева О.С. Ук. соч. С.172.

⁴ Топоров В.Н. Опьяняющий напиток // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 2000. С. 256-258.

сквернословие и другие формы антиповедения устойчиво сохранялись во многих народных праздниках и обрядах, имеющих языческие корни. В частности, употребление алкоголя носило обязательный характер при встрече гостя, во время церемониальной либо обрядовой трапезы, что приводило к бытовому и ритуальному пьянству⁵.

В.В. Похлебкин, историк и этнограф, автор фундаментальной работы «История водки» указывает, что в целом виноделие, медоварение и пивоварение на Руси носили патриархальный (домашний или общинно-артельный) характер, были тесно связаны с религией и ритуальными обычаями, восходящими к языческому культу предков и загробных верований. Все эти напитки рассматривались не просто как алкогольные, но в первую очередь как священные⁶. Регулярно водку на селе пили единицы, как правило, сапожники, кузнецы, отходники, т.е. лица, не связанные с аграрным трудом⁷.

Дореволюционные исследователи данной проблемы также сходились во мнении о том, что сельское пьянство носило обрядовый характер⁸. В конце XIX - начале XX вв. медицинские работники неоднократно проводили социологические опросы среди различных групп населения с целью выявления характера и форм потребления алкогольных напитков. Для большинства крестьян употребление алкоголя определялось не склонностью к выпивке, а устоявшимися общественными обычаями. Итак, среди большей части населения России к началу XX века выпивка носила окказиональный характер (хотя и при этом злоупотребления ею могли достигать впечатляющего размаха). При этом спиртное выступало в качестве одного из *ритуальных символов*, как английский ученый Виктор Тэрнер назвал предметы или материалы, используемые при проведении обрядов. Оно представляло собой минимальную семантическую единицу предметного кода обряда⁹.

Употребление алкоголя являлось неотъемлемой частью действий, имевших для индивида и коллектива символическое значение. Но частью какого же обряда выступает спиртное в нашем случае? Представляется вероятным, что внезапная массовая мобилизация августа 1914 года должна была сопровождаться специфической модификацией т.н. «рекрутских обрядов» – ритуала проводов новобранца в армию, относящегося к широкой группе переходных обрядов.

Под этим названием антропологам известны ритуальные церемонии, обозначающие и формально закрепляющие переход индивида или группы людей в новую социальную категорию и приобретение ими нового социального статуса. Концепция переходных обрядов

⁵ Питье // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2011. С. 366.

⁶ Похлебкин В.В. История водки. М., 2007. С. 43-56.

⁷ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX - начала XX века). Москва-Тамбов, 2004. С. 170, 172.

⁸ Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб., 1910. Т. 3. С. 10.

⁹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

была впервые сформулирована бельгийским этнографом Арнольдом Ван Геннепом в книге «Обряды перехода» (1909)¹⁰. Согласно его определению, обряд перехода – это последовательность церемоний, сопровождающих переход из одного состояния в другое, из одного мира (космического или общественного) – в другой. Каков бы ни был тип общества, вся жизнь человека в нем обусловлена последовательными переходами из одной группы в другую, из одного социального статуса к другому. Традиционное общество требует регламентации во всем, поэтому всякое изменение в жизни общества влечет за собой ритуал, чтобы общество не испытало затруднений¹¹.

Ритуалы перехода выполняются во время критических изменений в жизни индивидуума или культуры. Рекрутские обряды могут быть отнесены к переходным обрядам жизненного цикла, наряду с родильно-крестильным, свадебным и похоронно-поминальным обрядовыми циклами.

Рекрутские обряды являются примером нового ритуала, появившегося в историческое время и при этом конструируемого посредством традиционных для крестьянской культуры обрядовых действий. Рекрутская обрядность может рассматриваться как результат (и процесс) осмысления новой ситуации посредством традиционных для данной культуры когнитивных схем, известных, с одной стороны, по ритуалам жизненного цикла – в первую очередь, похоронам и свадьбе, а с другой стороны – по календарно приуроченным молодежным гуляниям. Отметим, что в традиционной культуре проводы новобранцев были близки свадебной и похоронной семантике, причем уходящему служить в них отводилась пассивная роль (сходная с ролями невесты и покойника)¹². Данный контекст подчеркивает невозможность распространения на деревню настроений «патриотического подъема».

Одним из определяющих факторов отношения крестьян к военной службе остается вопрос их социальной идентичности. Рекрут (и – шире – крестьянин) XIX - начала XX вв. считал себя прежде всего членом локального сообщества, а государство воспринималось им главным образом как внешняя сила, противостоящая деревенскому миру. Соответственно, крестьянин не видел в армейской службе исполнения своего гражданского долга, «священной обязанности» перед страной. Призыв молодого человека в армию представлял собой едва ли не единственную ситуацию непосредственного контакта крестьянина с государством, в которой для него актуализировалось понятие

¹⁰ Ван Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. Пер. с фр. Ю.В. Ивановой, Л.В. Покровской. М., 2002.

¹¹ Кряжева Н.С. Обряды перехода Арнольда ван Геннепа и обряды перехода русских // Молодежь III тысячелетия: Тез. докл. регионал. науч. студенческ. конфер. Омск, 2002. С. 159-160.

¹² Кормина Ж.В. Рекрутский обряд: Структура и семантика. Дисс. ... канд. культурологических наук. М., 2000.

гражданственности и представление о себе как о гражданине (разумеется, в рамках своеобразной политической культуры, присущей крестьянскому миру).

Обряд проводов на войну имеет генетическую связь с рекрутскими обрядами, но в то же время обладает и некоторыми нюансами.

При первой мобилизации полки комплектовались в основном хорошо подготовленным и обученным личным составом, призванным из запаса. Общая численность армии после окончания мобилизации составила 5 338 тыс. человек. Из них: 1 423 тыс. (27%) – постоянное войско; 3115 тыс. (58%) – запасные в возрасте от 25 до 38 лет; 400 тыс. (7,5%) – ратники 1 разряда, перечисленные из запаса, в возрасте 39-43 лет и 400 тыс. (7,5%) – ратники 1 разряда младших возрастов (22-24 года), не проходившие действительной военной службы. В первую мобилизацию под ружье был поставлен почти весь подготовленный воинский контингент, и дальнейшее пополнение армии проходило за счет ратников ополчения, не проходивших в мирное время действительной службы, и новобранцев¹³.

Таким образом, подавляющее большинство призывников, задействованных в беспорядках первой мобилизации, уже прошли в свое время через рекрутские обряды. Нельзя обойти вниманием тот факт, что ядром наиболее заметных волнений мобилизованных в западных уездах Орловской губернии были шахтеры-отходники. С одной стороны, они были более привычны к разгульной жизни, а с другой – шахтеры становились лидерами беспорядков потому, что испытывали меньший трепет перед местными представителями закона, будучи, по существу, посторонними в уезде людьми и обладая более богатым жизненным опытом, делавшим их более независимыми.

Однако орловский материал не дает нам оснований утверждать, что недовольство мобилизованных было направлено против представителей власти. Скорее наоборот, возможно предположить, что в основе протестной активности «призванных под знамена» лежало стремление ритуально закрепить переход в состояние «государственных людей» со всеми его атрибутами и функциями. Отныне не он сам распоряжался своими поступками и даже своей жизнью, а государство целиком и полностью располагало им. Через это крестьянин чувствовал себя более тесно сопричастным государственному началу, становился частью государственного механизма.

Элементы этого алгоритма мы можем встретить уже в классическом рекрутском обряде. Вот как описано гуляние рекрутов в Карачаевском уезде Орловской губернии информатором Морозовым. *«Пьют сначала на свои деньги, бывая сегодня у одного, завтра у*

---

¹³ *Леонов О.Д.* Мобилизация русской армии в августе 1914 г. и пополнение армии во время войны. Изменения в организации пехоты. Режим доступа: http://weteranspb.narod.ru/army_changes.htm

другого, заходят гостевать к родным и близким, знакомым, которые тоже угощают. На последних днях дают общественные деньги по 3 р. на брата, почему пьянство и веселье «гожих» в последние дни доходит до своего максимума. В городе во все время пребывания пьют и ходят с гармошкой в руках по улице. «Хожалый (т.е. городской) не зымай, а не то в морду, царю идем служить!» (выделено авт.)¹⁴.

Наша теоретическая посылка подтверждается и словами самих мобилизованных, чьим лозунгом у дверей винных лавок было: «Водка государева, и мы государевы, а кто не дает ее нам, тот изменник». Садясь на ремонтных лошадей, запасные заявляли офицеру, что лошади теперь принадлежат им. Подобные рассуждения объясняют настойчивость и решительность мобилизованных: даже самые резкие и очевидно противозаконные действия они считали для себя правомерными.

Итак, спиртное выступает как семантическая единица кода переходного обряда, маркирующего превращение крестьянина в солдата, «государственного человека». Отправляясь служить царю и Отечеству, крестьянин переходил из одного социального и экзистенциального состояния в другое¹⁵. Повсеместная актуальность этого ритуала для первых призывников августа 1914 года подчеркивает патриархальное отношение русского крестьянства к воинской повинности. Поэтому-то мы не можем последовать рекомендации А.Б. Беркевича «сорвать водочные этикетки» с волнений мобилизованных.

При этом остается вопрос: был ли «сухой закон» исключительно ситуативной и экстренной мерой мобилизации или логическим продолжением антиалкогольной политики императора и правительства?

Начать освещение данной проблемы следует с того, что с 1895 г. откупная система продажи питей заменяется государственной монополией на торговлю спиртным. Доходы казны от продажи алкоголя неуклонно росли, как и количество потребляемого спиртного. Доля алкогольных доходов в государственном бюджете превышала 1\5, что вызывало не только нарекания общественности, но и обеспокоенность императора Николая II как поборника консервативных ценностей и народной нравственности.

В стране формируется антиалкогольное движение, включавшее в себя создание попечительств о народной трезвости и приходских обществ трезвости, проведение медицинских, экономических и социологических исследований, пропаганду трезвого образа жизни и вреда алкоголя, открытие «народных чайных» как альтернативных кабаку форм досуга. Почетным председателем Общества трезвости России стал великий князь

¹⁴ Безгин В.В. Ук. соч. С. 70-71.

¹⁵ В этом я согласна с В.П. Булдаковым. См.: Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 42.

Константин Константинович. Настаивавшего на сохранении алкогольной монополии В.Н. Коковцова сменяет на посту министра финансов П.Л. Барк, предполагавший заменить «пьяные доходы» бюджета подоходным налогом и сохранивший свой пост даже во время «министерской чехарды» военных лет.

На этом фоне антиалкогольные мероприятия военного времени предстают логичным развитием одного из направлений государственной политики, а не сиюминутным волюнтаристским решением, вызвавшим массовые беспорядки и подорвавшим государственный бюджет. Более того, и прекращение казенной винной торговли во время мобилизации являлось загодя подготовленным шагом, что выглядит весьма примечательно. Уже 17 апреля 1914 г. по всем губерниям России Министерство внутренних дел разослало секретный циркуляр, уведомляющий, что в случае начала военных действий необходимо полностью запретить торговлю водкой¹⁶. Военный министр В.А. Сухомлинов к маю 1914 года подготовил план закрытия всех питейных заведений, кроме ресторанов первого разряда, в районах мобилизации. В июне 1914 года он просил министра внутренних дел Н.А. Маклакова проследить, чтобы продажа алкоголя не велась во время мобилизации¹⁷.

С 13 июля в Европейской России было введено в действие «положение о подготовительном к войне периоде» а с началом мобилизации правительство ввело ограничения на продажу крепких спиртных напитков¹⁸. На этой основе уже во время войны начался новый этап реализации государственной политики трезвости.

С большой долей вероятности можно утверждать, что волнения мобилизованных августа 1914 года нельзя рассматривать как реакцию на вступление Российской империи в Первую мировую войну, искать в них антивоенные или же патриотические черты. Беспорядки не были ни следствием общего негативного отношения населения к воинской повинности, ни прямым следствием введения «сухого закона». Там, где беспорядки были связаны с желанием призванных получить спиртное (и его осуществлением), как это имело место в Орловской губернии, их следует трактовать как феномен массового поведения, вызванный актуальными для традиционного общества ментальными установками.

Иными словами, беспорядки среди мобилизованных были реакцией не на войну как таковую, а на факт массового призыва в армию в сочетании с невозможностью сопроводить его ритуалом, построенным из привычных семантических единиц. Можно предположить, что

¹⁶ <http://winetalk.ru/market/“suxoj-zakon”-v-rossijskoj-imperii-v-1914-godu>

¹⁷ Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствие введения сухого закона в России: 1914-1917 // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума). СПб., 1999. С. 151.

¹⁸ Корчагина Г.А. и др. Об истории развития антиалкогольного законодательства в России // Вопросы наркологии. №2. 2013. С. 106-119.

при сохранении казенной виноторговли массовая мобилизация также сопровождалась бы беспорядками, в основе которых также просматривался бы поведенческий алгоритм рекрутских обрядов (пьянство, бесчинства) – так что власти, не отдавая себе в этом отчета, лавировали между Сциллой и Харибдой мужицкого сознания.

В итоге «по случаю имевших место в некоторых местностях империи крайне нежелательных выступлений» министр внутренних дел предложил Совету министров ввести положение о чрезвычайной охране в тех районах, которые не находились на военном либо осадном положении. Эта мера давала в руки губернаторов значительные полномочия по регулированию самых разных сторон жизни губернии и значительно сужала круг гражданских свобод.

Приходится признать, что применение силы против мобилизованных, приведшее к сотням жертв (247 участников волнений было убито и 505 ранено)¹⁹, было рациональной мерой, так как залпы в толпу не провоцировали ответного насилия и эскалации противостояния народа и власти, а играли роль в прямом и переносном смысле отрезвляющего средства, благодаря чему пьяные бунты мобилизованных стали краткосрочным спутником первой мобилизации. То, что волнения утихли достаточно быстро – в сравнении с их размахом – свидетельствует об адекватности репрессивных мер, предпринятых в их начале. В заключение следует подчеркнуть, что последующие волнения среди мобилизованных (в частности, в Болхове Орловской губернии в 1915 г.) отличались по составу участников от волнений августа 1914 г. и должны анализироваться и интерпретироваться как самостоятельное явление.

Об авторе:

Букалова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии государственного и муниципального управления Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

---

¹⁹ Беркевич А.Б. Ук. соч. С. 40.